

Станислав Думин

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ 1960-1980-х ГОДОВ

* * *

Нас покинул август, оплакан.
Ровен бронзовый строй атлантов,
жёлто-алый чертёж аллея
строг в чугунной рамке со львами.
Sire, мы всё же свидимся с Вами
на наследной Вашей земле.

Sire, простите, что я так смело
по ступеням мраморным белым
мимо ангелов и богинь
к Вам вхожу, и уши, невольню
Августейший покой сегодня
потревожат мои шаги

неуместно и непридворно.
Sire, улыбка моя притворна
повеленья из Ваших уст
в зале тронном, в святыне оной
я не жду, Государь, с поклоном.
Дом Романовых ныне - пуст,

крепко заперта дверь резная,
и никто в России не знает,
на какой уральской версте,
под которой русской берёзкой,
под проклятым градом Свердловском
Вы зарыты, Votre Majesté.

октябрь 1977 г.

* * *

Снег присел у порога –
устал идти,
и станицы молчали,
но
вьюга плакала горько,
перекрестив
эскадрон, уходящий в ночь.

Он ветрами отрезан
и окружён
на развилке дорог Руси.
Горн трубит...
Помяни их Господь, ужо,
имена же их – Ты веси...

А солдаты глядели
Ему в глаза,
Как глядели –

Он знает сам,
и просили Того,
Кто на небесах,
чтоб сквозь вьюгу
путь указал.

Но Господь не ответил,
была война
и метель с четырёх сторон,
и ветра отпевали протяжно наш
отступающий эскадрон.

Эскадрон в степи снега занесут,
но, кресты свои получив,
позовут командира на Страшный суд
в землю вмёрзшие трубачи.

1972, 1986 гг.

* * *

Вы десять лет за ту сражались,
ломаю копыя и щиты,
углями тлеющих пожаращ
запечатлев её черты.

А эта – с ужином ждала,
всё по хозяйству хлопотала,

пряла и простыни латала,
да прибирала со стола.

Не упрекнёт, подаст вина,
омоет раны после драки...
У Вас чудесная жена,
какого чёрта, царь Итаки?

1970-е гг.

* * *

.....А когда он
с площади
нёс свой крест к городским
воротам,
в числе прочих
говорили с ним плотники:

«Римский ломаный
медный грош -
горсть гвоздей.
Ты ходил по земле
в дождь,
говорят ещё – по воде.

Кто – уверует,
кто – посмотрит,
кто подумает: поделом...
Рабби, рабби,
доски намокли,
и поэтому так тяжело.

Грош последний,
грош медный,
чёрствый хлеб непраздничных чисел.
Мы работали, как умели,
ты прости,
что так получилось».

1960–1970-е гг.

Quo vadis?

У полукруглого окна,
там, где шиповник рос,
над чашей, выпитой до дна,
парит десяток ос.

Поспешно был оставлен стол
и недоеден хлеб,
и до заставы за крестом
бежал вдогонку плембс.

Вдыхая римлян волчий пот,
среди ослиных морд,
ведь ты не камень, бедный Пётр
хотя и правда твёрд.

Да, Царство Божие не здесь,
а это - тлен и прах,

и будет цезарь землю есть,
как распоследний раб,

и сохранит латинский град
огонь твоей свечи,
и сам Иисус у райских врат
вручит тебе ключи.

Но раньше – боль,
и крест, и ввысь,
Ему в глаза – посметь...
Я верю, после будет жизнь,
но прежде будет смерть.

И нынче, с кровью на губах,
хромающий в пыли, –
что скажешь Господу, рыбак, –
наместник сей земли?

1982, 1986, 2002 гг.

Александру Дюма

Латинский мрамор бел как снег,
ночь непрозрачна, кошки серы,
и снятся барышням во сне
напудренные кавалеры,

а кавалеры в этот час, —
письмо у сердца, шпага слева, —
спасая тайны королевы
с секретным порученьем мчат.

Корабль в порту.
Туман клубится.

Срывает шляпы норд–норд–ост.
Прихлёбывая кальвадос,
их ждут наёмные убийцы.

Увы, - не честь тяжёлых ран,
в чужой стране паршивый климат,
преграды непреодолимы, —
но честь?
но слава?
но роман?

1970-е гг.

Стихи о зимнем времени

В даль ведут следы олени,
в печку брошено весло,
как по щучьему веленью
время летнее прошло.

Чёрен скат родного крова,
из ведра белеет лёд,
и ленивая корова
время зимнее жуёт.

Это время для раздумий
при скупом огне свечи,
Это время проведу я
у голландских стен печи.

Жить, с души снимая бремя,
ночевать в своём доме...
Обожаю это время,
Только скушно — одному.

1986 г.

* * *

В злую зиму
московский Бог
был разгневан,
и город мёрз.
В чистом домике Анны Монс
государю варили грог.

От молебнов и опалал,
от доносов и от крови
только с немцами
отдыхал
просвещённый сей москвит.

Вспоминал он лишь невзначай,
за мадерой и табаком,

тех которых
ветер качал
в Новодевичьем, у окон,

и, с державою не в ладу,
слуг в голландское нарядив,
мчал в Немецкую слободу,
в накрахмаленный парадиз.

Ветер — с севера,
норд–норд–ост,
в Третьем Риме —
Великий Пост.

Третий день на Кукуе Пётр
иностранные вина пьёт.

1970-е гг.

* * *

Не там, где всадник безбородый
разит крылатую змею
и вдохновенные юроды
о Третьем Риме вопиют, –

там, где царевича удавят
и этих насмерть засекут,
я первым лёг тебе в фундамент,
как все, послушен мастерку.

В болота, замершие ржаво,
отяжелевшие тела

ушли, и гордая держава
в заливе флаги подняла.

В бессонном городе у моря,
у самой кромки серых вод
цари в египетском уборе
ещё несут тяжёлый свод.

Они надёжны. И они-то
не станут рваться к мятежу,
но рухнут куклы из гранита,
как только я не удержу.

1977, 1982 гг.

* * *

Ты скажи царице Анне
Вифлеемская звезда:
в Ледовитом океане
пропадут её суда.

В Ледовитом океане,
на другом краю земли,
на бездонной Иордани
вмёрзли в воду корабли.

Кораблям во льду до лета
не найти дорог сюда.
Ты скажи царице это,
Вифлеемская звезда.

Ты скажи царице Анне
про холодные края,

где погибли христиане
волю ведая Ея.

Ты скажи царице. Или
скрой, присяге вопреки,
как царицу материли
умирая, моряки.

Но скажи царице Анне,
Божьим гневом не грозя:
...Подлетят неслышно сани,
по ночной Неве скользя,

тихо дрогнет тень в портъере,
у секретного замка,
и в Ея ударит двери
командорская рука.

1986 г.

* * *

Парик напудрен и завит,
в четвёртом акте – расставанье.
О, как нетрудно делать вид,
играть старинными словами,

из недочитанной главы
воспринимаемая стиль Расина,
и как легко произносимо
очаровательное «Вы».

1970-е гг.

Лгут короли и Бонапарты,
созвездья лгут – который год.
Моей отчизны нет на карте,
моей земли осталась горсть,

но навсегда пребудет с нами,
как в медальоне эта прядь,
пыль на ладони, символ, грязь,
знак мессианства и изгнанья.

1970-е гг.

Знамёна ветром утренним раздуты.
В осенний день – весёлая игра
на разных языках кричать ура,
идти в штыки на флеш и редуты.

Их государь глядит из-под руки,
наш государь гарцует на буланом.
Но прежде чем в атаку слать уланов,
пускай Господь смешает языки,

Пролог недолог. В споре три царя,
и Дух Святой, над полем воспаря,
благословляет пёстрые штандарты.
И мы – солдаты, и они – солдаты.

пусть нам родною станет речь иная,
и пусть уже ничто ему и мне,
о той несуществующей стране
из милосердья не напоминает.

Они умрут, оборонив каре,
и мы умрём, прорвав шеренги строя.
И мы – герои, и они – герои,
Но сух язык тяжёлых батарей,

А после – в бой, в карьер,
за рядом ряд,
поэскадронно...

реестр потерь, протяжный счёт картечи.
А нас зовёт торжественная медь
под барабан принять святую смерть
во славу всех воюющих отечеств.

Сир, какая сцена:
уланы Понятовского летят
врубаясь в польский корпус
Беннигсена.

1970-е гг.

Медный зверь. Гранитная держава.
Мокрый ветер гонит снег шершавый
под копыта медного коня.
Медный горн скликает полк под знамя.
С ними Бог! Бог с ними и Бог с нами
мартобря тринадцатого дня.

Широка страна моя родная.
Кивера по ниточке равняя,
шпорами неистово звеня,
тяжкий крест берущие на плечи
от тоски Отчизны не излечат
мартобря тринадцатого дня.

До обрыва вёл слепцов незрячий.
Дождь сухой. Парящий лёд горячий.
Ровный счёт картечного огня.
Господи, кто в праве, кто в ответе, –
но спаси начавших на рассвете
мартобря тринадцатого дня.

Широка страна моя! До края,
кольцами железными играя
повезут сегодня – не меня.
Матушка, мой свет, утри слезу мне.
Мы ещё слабее и безумней
мартобря тринадцатого дня.

1977 г.

Сонеты из цикла «Бедный Йорик»

1.

Когда напудренный Пролог
сюжет рассказывает вкратце,
а с прошлогодних декораций
взлетает пыль под потолок,

(а с кружев грязь едва оттерли),
жаль, что спектакль довольно плох,
написан наспех монолог
и заикаются актёры.

Король игре такой не рад,
актёров гонят со двора,
пообещав потом повесить.

Но через несколько минут
И Их Величества начнут
свою шекспировскую пьесу.

2.

В Вестминстере и в Дании? Нигде,
где каждый шаг...

Да что нам – в каждом шаге,
когда испачкан кончик шпаги,
и жизнь расходится кругами по воде.

Не для тебя - стареть в законном браке,
не для неё - идти с тобой вдвоём.

Так верь во что-нибудь,
хотя бы в святость драки
и в тот, у зеркала разученный, приём,

* * *

Чума на оба наши дома,
раздолье сорному зерну.
А те, что ангелом ведомы,
и головы не повернут.

Разбиты медные скрижали,
трепещут чёрные крыла.
А тех, что праведно бежали,
десница Божия вела.

Когда начертанное свыше
В огне исполнится, и тут

в тень короля в тени колонн и окон,
и брось в огонь её забытый локон,
когда веноч найдёшь на берегу.

Сегодня ливень, солнце будет завтра,
но в пятом акте ни Господь, ни Автор
тебя и прочих не уберегут.

3.

Дождь проливной
и скользкий склон пологий.

Попал в поток –
придётся к морю плыть.
Не мы решаем, – быть или не быть, –
когда суфлёр диктует монологи.

Не мы решаем, – чёт или нечёт
покажут кости, и у края кручи
удачи ждём, надеемся на случай.
Но нам опять послал какой-то чёрт

такие роли – что мороз по коже!
Мы мечемся, кричим, и мы похожи
на вспугнутых кричащих чёрных птиц.

Один могильщик нынче пьян и весел,
поскольку он, –
сегодня, в этой пьесе, –
важнее прочих действующих лиц.

1974 г.

Уже расплавленные крыши
на мостовые потекут,

за тех, кого Господь избавил,
за тех, кто бросил этот град,
за исключение из правил
нелицемерно буду рад.

Но пусть в цветущем, изобильном,
в богоспасаемом краю
не уверяют, что любили
Отчизну грешную свою.

1977, 1982 гг.

Купец считает серебро,
кричит в углу дитя,
пророк берётся за перо,
каракули крутя,

кому – ярмо, соха и кнут,
кому – коса и плуг,
а те - не сеют и не жнут –
натягивают лук,

а эти, сабли обнажив,
летят на караван,
а не умеешь услужить –
изволь повелевай.

Но нам увериться дано,
что первородный грех –
в раю созревшее зерно
всех родословных древ,

что с зазеркальным визави
в запутанном родстве,
с чужим безумием в крови
являемся на свет,

что так же ночь была нежна
в Тринадцатом году,
да нам старинного вина
к столу не подадут.

И ты, и я, и враг, и друг
обласкан и прощён.
Берущий хлеб у них из рук –
считай, что приручён.

Но всё равно – издалека
в заснеженном краю
и волчий мех воротника
собаки узнают.

И в смертный час, и град, и в снег,
ничем не истребишь
до нас дошедшее *от тех*
твоё «noblesse oblige».

1.

Обед и ужин – к чёрту, к бесу,
вернутся всадники не скоро.
Кабан стремглав уходит к лесу,
визжит потрёпанная свора,

по ржи галопом мчат лошадки,
под рёв охотничьего рога
поспешно сдёргивают шапки
жнецы и девушки у стога.

Осенний лес тревожит душу
сильнее смерти и награды,
и егеря свежуют тушу
у ног испуганной дриады.

Под дубом спешившись устало,
бароны хвастают, как было,
и где-то в поле поотстала
кюре фламандская кобыла.

2.

Забава сельская забыта,
забыты сельские заботы,
грохочут быстрые копыта
великокняжеской охоты.

Закрыты тайные советы,
и все летят вдогонку волку,
роняет в грязь Елизавета
лазоровую треуголку,

у края леса, пасть ощеря,
склонилась рыжая борзая,
в загривок раненого зверя
клыки багровые вонзая.

Для сей добычи нет спасенья,
другой уходит от облавы,
и грязным золотом осенним
означен путь любви и славы.

1977 г.

Сентябрь-октябрь 1986 г.